

Симеон Новый Богослов

**Слова преподобного Симеона
Новаго Богослова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н76

Н76 **Новый Богослов С.**
Слова преподобного Симеона Нового Богослова / Симеон Новый Богослов – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 499 с.

ISBN 978-5-519-73569-8

Перевод на русский язык с новогреческого епископа Феофана

ISBN 978-5-519-73569-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

время сподобился онъ того благодатнаго просвѣтлѣнія, которое самъ описываетъ онъ въ словѣ о вѣрѣ, говоря будто о другомъ нѣкомъ юношѣ. Тутъ благодать Божія дала ему вкусить полнѣе сладость жизни по Богу и тѣмъ пресѣкла вкусъ ко всему земному.

Послѣ сего естественно было обнаружиться въ немъ сильному порыву къ оставленію міра. Но старецъ не судилъ благомъ удовлетворить тотчасъ сему порыву, и убѣдилъ его еще и еще потерпѣть.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Случилось, что ему нужно было отлучиться на родину, и онъ пришелъ къ старцу принять благословеніе. Старецъ хотъ и объявилъ ему, что теперь время бы вступить въ монашество, однакожь не удерживалъ его отъ побыванія на родинѣ. Преподобный Симеонъ далъ слово, что какъ только возвратится, такъ оставить міръ. На дорогу въ руководство взялъ онъ себѣ *Лѣствицу* св. Іоанна Лѣстничника. Прибывъ на родину, онъ не увлекался дѣлами житейскими, а продолжалъ ту же строгую и уединенную жизнь, къ чему домашніе порядки давали большой просторъ. Тамъ вблизи была церковь, а подлѣ церкви келліяца и недалеко отъ нея кладбище. Въ этой келліяцѣ онъ затворялся—молился, читалъ и предавался богомыслию.

Въ одно время прочиталъ онъ въ святой *Лѣстницѣ*: нечувствіе есть омертвѣніе души и смерть ума прежде смерти тѣлесной,—и возревновалъ навсегда изгнать изъ души своей эту болѣзнь нечувствія. Съ этою цѣлію выходилъ по ночамъ на кладбище и тамъ усердно молился, размышляя вмѣстѣ о смерти и будущемъ судѣ, равно и о томъ, что стали теперь умершіе, на гробахъ которыхъ онъ молился, умершіе, бывшіе живыми подобно ему. Къ этому приложилъ онъ постъ болѣе строгій и

бдѣніе, болѣе длительное и бодренное. Такъ възгрѣваль онъ въ себѣ духъ жизни по Богу и горѣніе ея держало его постоянно въ состояніи сокрушеннаго умиленія, недопускавшаго нечувствія. Если случалось, что подходило охлажденіе, онъ спѣшилъ на кладбище, плакалъ и рыдалъ, бія себя въ грудь, и не вставалъ съ мѣста, пока не возвращалось обычное умиленное сокрушеніе. Плодомъ этого образа дѣйствія было то, что образъ смерти и смертности такъ глубоко напечатлѣлся въ его сознаніи, что какъ на себя, такъ и на другихъ онъ не иначе смотрѣлъ, какъ на мертвыхъ. Отъ этого никакая красота не плѣняла его, и обычныя движенія плотскія замирали при самомъ появленіи своемъ, будучи пожигаемы огнемъ сокрушенія. Плачь сдѣлался пищею для него.

Пришло наконецъ время возвратиться въ Константинополь. Отецъ просилъ было его остаться дома, пока проводитъ его на тотъ свѣтъ; но увидѣвъ, куда стремилось пламенное желаніе сына, съ любовію и охотнымъ благословеніемъ простился съ нимъ.

Время возвращенія въ Константинополь было для преподобнаго Сѹмеона временемъ отреченія отъ міра и вступленія въ обитель. Старецъ принялъ его съ отеческими объятіями и представилъ игумену своей обители Студійской, Петру; но тотъ обратно отдалъ его на руки старцу же, сему великому Сѹмеону благоговѣйнику. Принявъ юнаго инокѣ, какъ залогъ Божій, старецъ ввелъ его въ одну небольшую келлію, похожую болѣе на гробъ, и тамъ начерталъ ему порядки тѣснаго и прискорбнаго иноческаго житія. Онъ говорилъ ему: смотри, сынъ мой, если хочешь спастися, ходи въ церковь неопустительно, и тамъ стой съ благоговѣйной молитвой,

не обращаясь туда и сюда и не заводя ни съ кѣмъ бесѣды; не ходи изъ келліи въ келлію; не будь дерзновенъ, храни умъ отъ блужданія, внимая себѣ и помышляя о грѣшности своей, о смерти и судѣ.—Въ строгости своей старецъ соблюдалъ однакожъ благоразумную мѣру, заботясь и о томъ, чтобъ его питомецъ не имѣлъ пристрастія даже къ строгимъ подвигамъ. Для чего иногда назначалъ ему послушанія тяжелыя и уничижительныя, а иногда легкія и честныя; иногда усиливалъ его постъ и бдѣніе, а иногда заставлялъ его принимать пищу досыта и спать вдоволь, всячески приучая его къ отреченію отъ своей воли и своеличныхъ собою распоряженій.

Преподобный Симеонъ искренно любилъ своего старца, чтилъ его какъ мудраго отца, и ни въ чемъ ни на волосъ не отступалъ отъ его воли. Онъ такъ благоговѣлъ къ нему, что цѣловалъ то мѣсто, на которомъ старецъ совершалъ молитву, и такъ глубоко смирялся предъ нимъ, что не считалъ себя достойнымъ приступить и прикоснуться къ одеждѣ его.

Такого рода жизнь не обходится безъ особенныхъ искушеній, и врагъ скоро началъ строить ему ихъ. Онъ напустилъ на него отяжелѣніе и расслабленіе во всемъ тѣлѣ, за которыми слѣдовало разлѣненіе и омраченіе мыслей до того, что ему казалось, будто онъ ни стоять не можетъ, ни открыть устъ своихъ на молитву, ни слушать церковной службы, ни даже возвестъ умъ свой горѣ. Уразумѣвъ, что это состояніе не похоже ни на обычное отъ трудовъ утомленіе, ни на болѣзнь, преподобный вооружился противъ него терпѣніемъ, нудя себя ни въ чемъ себѣ не послаблять, а напротивъ напрягать себя на противное внушаемому, какъ на благопотребное

средство къ возстановленію своего обычнаго состоянія. Борьба при помощи Божіей и молитвахъ старца увѣнчалась побѣдою. Богъ утѣшилъ его такимъ видѣніемъ: какъ облако какое поднялось отъ ногъ его вверхъ и разсѣялось въ воздухѣ, и онъ почувствовалъ себя бодрымъ, живымъ и столько легкимъ, что будто не имѣлъ тѣла. Испытаніе отошло, и преподобный въ благодарность Избавителю положилъ съ этихъ поръ никогда не присаживаться во время богослуженія, хотя это разрѣшается уставомъ.

Потомъ врагъ поднималъ у него плотскую брань, смущая помыслами, тревожа движеніями плоти, и во снѣ представлялъ ему срамныя воображенія. Благодатію Божіею и молитвами старца прогнана и эта брань.

Далѣе поднялись родные и даже родители, съ жалвніемъ уговаривая его умѣрить строгости, или даже и совсѣмъ оставить монашество. Но и это не только не умалило его обычныхъ подвиговъ, а напротивъ усилило ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно въ отношеніи къ уединенію, устраниенію отъ всѣхъ и молитвѣ.

Наконецъ врагъ вооружилъ противъ него братій обители, сподвижниковъ его, которымъ не нравилась его жизнь, хотя они и сами не любили распущенности. Съ самаго начала одни изъ братій отнеслись къ нему благосклонно и съ похвалою, а иные неодобрительно, съ укорами и подсмѣиваніями, больше за глаза, а иногда и въ глаза. Преподобный Сѣмеонъ не обращалъ вниманія ни на похвалы, ни на охужденія, ни на почитанія, ни на безчещеніе, и строго держался установленныхъ съ совѣта старца своего правилъ жизни внутренней и внѣшняго поведенія. И старецъ нерѣдко подновлялъ свои ему убѣжденія быть твердо и терпѣть все мужественно, особенно

же стараться такъ настраивать душу свою, чтобъ она паче всего была кротка, смиренна, проста и незлобива, потому что въ такихъ только душахъ обькла обитать благодать Св. Духа. Слыша такое обѣтованіе, преподобный усугубилъ свою ревность о жизни по Богу.

Между тѣмъ неудовольствія братій все росли и росли, число недовольныхъ множилось, такъ что къ нимъ приставалъ иногда и игумень. Видя, что соблазнъ усиливался, старецъ перевелъ своего питомца къ славному тогда Антонію, игумену монастыря св. Маманта, ограничиваясь въ своемъ руководствѣ наблюденіемъ издали и нерѣдкими посѣщеніями. И здѣсь жизнь преподобнаго Сѹмеона текла обычнымъ уже для него порядкомъ. Преспѣваніе его въ подвижничествѣ, не только внѣшнемъ, но паче внутреннемъ, стало явнымъ и подавало надежду, что и впредь ревность къ тому не ослабѣетъ въ немъ. Почему старецъ рѣшился наконецъ сдѣлать его полнымъ монахомъ чрезъ постригъ и облеченіе въ схиму.

Это радостное событіе обновило и усилило подвижническія добродѣтели преподобнаго. Онъ весь предался уединенію, чтенію, молитвѣ и богомыслию; цѣлую недѣлю вкушалъ одни овои и сѣмена, и только по воскресеньямъ ходилъ за братскую трапезу; спалъ мало, на полу, подстилая лишь овчину поверхъ рогожи; на воскресенья же и праздники совершалъ всенощныя бдѣнія, стоя на молитвѣ съ вечера до утра и во весь потомъ день не давая себѣ отдыха; никогда празднаго не произносилъ онъ слова, но хранилъ всегда крайнее вниманіе и трезвенное самоуглубленіе; сидѣлъ все запертымъ въ келліи, и если когда выходилъ наружу, посидѣть на скамѣ, то казался будто облитымъ слезами и носилъ на лицѣ отсвѣтъ молитвеннаго пламени; читывалъ наиболѣе житія

святыхъ и начитавшись садился за рукодѣлье — каллиграфствовать, что нибудь переписывать для обители и старцевъ или для себя; съ первымъ ударомъ симандры, вставалъ и спѣшилъ въ церковь, гдѣ со всѣмъ молитвеннымъ вниманіемъ прослушивалъ богослужбное послѣдованіе; когда бывала литургія, онъ всякій разъ причащался Св. Христовыхъ Тайнъ, и весь тотъ день пребывалъ въ молитвѣ и богомысліи; бодрствовалъ обычно до полуночи, и соснувъ немного, шелъ на молитвословіе вмѣстѣ съ братіями въ церковь; во время чотырдесятницы пять дней проводилъ безъ пищи, въ субботу же и въ воскресенье ходилъ за братскую трапезу и ѣлъ, что подавалось для всѣхъ, спать не ложился, а такъ, склонившись головою на руки, засыпалъ на какой-нибудь часъ.

Два уже года прожилъ онъ такъ въ новой для него обители, возрастая въ добронравіи и подвижничествѣ и богатысь вѣдѣніемъ божественныхъ тайнъ спасенія чрезъ чтеніе слова Божія и отеческихъ писаній, чрезъ собственное богомысліе и бесѣду съ чтимыми старцами, особенно же съ своимъ Сѹмеономъ благоговѣйникомъ и игуменомъ Антоніемъ. Эти старцы разсудили наконецъ, что время уже преподобному Сѹмеону дѣлиться и съ другими стяжанными имъ сокровищами духовной мудрости, и возложили на него послушаніе—говорить въ церкви поученія въ назиданіе братій и всѣхъ христіанъ. Онъ и прежде, съ самаго начала подвижничества, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ отеческихъ писаній всего что считалъ для себя душеполезнымъ, занимался и записываніемъ собственныхъ мыслей, какія множились у него въ часы богомыслія; но теперь такое занятіе сдѣлалось для него обязанностію, съ тою особенностію, что назиданіе обращалось уже не къ себѣ одному, но и къ другимъ. Рѣчь

его обычно была простая. Ясно созерцая великія истины спасенія нашего, онъ и излагалъ ихъ понятно для всѣхъ, ни мало однакожъ не умаляя простотою рѣчи ихъ высоты и глубины. Его слушали съ удовольствіемъ и самые старцы.

Спустя немного, всегдашній его руководитель Сумеонъ благоговѣйникъ возымѣлъ желаніе освятить его іерейскимъ рукоположеніемъ. Къ тому же времени скончался игуменъ обители, и братія общимъ голосомъ на мѣсто его избрали преподобнаго Сумеона. Такъ онъ за одинъ разъ принялъ и посвященіе іерейское и возведенъ въ игуменство отъ патріарха тогдашняго Николая Хрисоверга. Не безъ страха и слезъ принялъ онъ сіи, будто бы повышенія, на дѣлѣ же бремена неудобноносимыя. Онъ судилъ о священствѣ и игуменствѣ не по видимости ихъ, а по существу дѣла; почему и приготавлился къ принятію ихъ со всѣмъ вниманіемъ, благоговѣніемъ и богопреданностію. За такое благонастроеніе онъ сподобился, какъ увѣрялъ послѣ, въ минуты рукоположенія, особенной милости Божіей, ощущенія нисходящей благодати въ сердце съ узрѣніемъ духовнаго нѣкоего безвиднаго свѣта, осѣниваемаго и проникаемаго его. Это состояніе возобновлялось у него потомъ всякій разъ, какъ онъ литургисалъ, во всѣ сорокъ восемь лѣтъ его священства, какъ догадываются изъ его собственныхъ словъ о другомъ будто нѣкоемъ іереѣ, съ которымъ такъ бывало.

Потому, когда спрашивали его, что такое есть іерей и священство, онъ со слезами отвѣчалъ, говоря: увы, братіе мои! Что спрашиваете вы меня объ этомъ? Это такое дѣло, о которомъ и подумать страшно. Я недостойно ношу іерейство, но знаю хорошо, какимъ долженъ быть іерей. Онъ долженъ быть чистъ и тѣломъ, и

тѣмъ паче душею, не запятнанъ никакимъ грѣхомъ, смирененъ по внѣшнему праву и сокрушенъ сердцемъ по внутреннему настроенію. Когда литургисаетъ, долженъ умомъ созерцать Бога, а очи вперять въ подлежащіе дары; долженъ сознательно сораствориться въ сердцѣ своемъ со Христомъ Господомъ, тамо сущимъ, чтобы имѣть дерзновеніе сыновне бесѣдовать къ Богу Отцу и неосужденно воззвать: *Отче нашъ*. Вотъ что говорилъ св. отецъ нашъ вопрошавшимъ его о священствѣ, и умолялъ ихъ не искать сего таинства, высокаго и страшнаго для самыхъ ангеловъ, прежде чѣмъ придуть въ ангелоподобное состояніе посредствомъ многихъ надъ собою трудовъ и подвиговъ. Лучше, говорилъ онъ, каждодневно съ усердіемъ упражняйтесь въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, каждую минуту принося искреннее покаяніе Богу, если случится въ чемъ согрѣшить не только дѣломъ и словомъ, но и сокровеннымъ помышленіемъ души. И этимъ способомъ можно каждодневно приносить Богу и за себя и за ближнихъ жертву, духъ сокрушенъ, молитвы и моленія слезныя, сіе сокровенное священнодѣйствіе наше, о коемъ радуется Богъ, и приѣмля его въ пренебесный жертвенникъ Свой, подаютъ намъ благодать Святаго Духа. Такъ училъ онъ другихъ, въ такомъ же духѣ литургисалъ и самъ; и когда литургисалъ, лицо его дѣлалось ангелоподобнымъ и такимъ проникалось свѣтомъ, что нельзя было свободно смотрѣть на него, по причинѣ исходившей отъ него чрезмѣрной свѣтлости, какъ нельзя свободно смотрѣть на солнце. Объ этомъ имѣются неложныя свидѣтельства многихъ его учениковъ и неучениковъ.

Сдѣлавшись настоятелемъ обители, первымъ дѣломъ имѣлъ преподобный поновленіе ея, потому что она во

многихъ частяхъ обветшала. Церковь, построенная еще Маврикіемъ царемъ, была довольно исправна; но по обновленіи обители онъ и ее гдѣ очистилъ, гдѣ обновилъ, постлалъ мраморный полъ, украсилъ иконами, утварю и всѣмъ потребнымъ. Между тѣмъ улучшилъ и трапезу и правиломъ положилъ, чтобъ всѣ ходили на нее, не держа особаго стола; а чтобы это вѣрнѣе исполнялось, и самъ ходилъ всегда на общую трапезу, не измѣняя однакожъ обычнаго своего постническаго правила.

Стала умножаться братія, и онъ назидалъ ихъ словомъ, примѣромъ и общимъ благоустроеннымъ чиномъ, ревнуя всѣхъ представить мужами желаній Богу Спасителю нашему. Самому ему Богъ приумножилъ даръ умиленія и слезъ, которыя были для него пищею и питіемъ; но онъ имѣлъ для нихъ три опредѣленныхъ времени,—послѣ утрени, во время литургіи и послѣ вечера, въ которыя онъ молился усиленнѣе съ обильнѣйшимъ проливаніемъ слезъ. Умъ у него былъ свѣтлый, ясно зрящій истины Божіи. Онъ любилъ сіи истины всею полнотою сердца. Почему, когда велъ бесѣду частно или въ церкви, слово его шло отъ сердца къ сердцу и было всегда дѣйственно и плодоносно. Онъ и писалъ. Нерѣдко всю ночь просиживалъ онъ, составляя богословскія разсужденія, или толкованіе Божественныхъ Писаній, или бесѣды и поученія общеназидательныя, или молитвы стихами, или письма къ разнымъ ученикамъ изъ мірянъ и иноковъ. Сонъ не беспокоилъ его, равно какъ алчба и жажда и другія потребности тѣлесныя. Все это долгимъ подвигомъ приведено въ самую скромную мѣру и установилось навкомъ, будто законъ естества. Несмотря однакоже на такія лишенія, по виду онъ

всегда казался свѣжимъ, полнымъ и живымъ, какъ и тѣ, кои вдоволь питаются и спятъ. Слава о немъ и обители его проходила всюду и собирала къ нему всѣхъ ревнителей настоящаго міроотречнаго житія. Онъ всѣхъ принималъ, назидалъ и возводилъ къ совершенству своимъ руководствомъ. Многіе изъ нихъ со всѣмъ усердіемъ брались за дѣло и успѣшно текли вслѣдъ учителя своего. Но и всѣ представляли будто сонмъ безплотныхъ ангеловъ, выну хвалящихъ Бога и служащихъ Ему.

Устроивъ такъ обитель свою, преподобный Сумеонъ возымѣлъ намѣреніе убезмолвиться, поставивъ для братіи особаго игумена. Избралъ онъ вмѣсто себя нѣкоего Арсенія, многократно имъ испытаннаго и утвержденнаго въ добрыхъ правилахъ, въ добромъ настроеніи сердечномъ и умѣннѣи вести дѣла. Передавая ему бремя настоятельства, онъ въ общемъ собраніи братій далъ достодолжное наставленіе ему, какъ править, а братіямъ, какъ состоять подъ его управленіемъ, и испросивъ у всѣхъ прощеніе, удалился въ избранную имъ безмолвническую келлію на неотлучное пребываніе съ единымъ Богомъ въ молитвѣ, богомысліи, чтеніи Писаній, въ трезвеніи и разсужденіи помысловъ. Къ подвигамъ ему нечего было прибавлять. Они и всегда были въ напряженіи до возможной степени; но конечно руководившая его во всемъ благодать вѣдала, что въ какомъ чинѣ содержать ему благопотребяѣ въ семъ новомъ образѣ жизни, и внушала ему то. Даръ учительства, прежде находившій удовлетвореніе въ частныхъ и церковныхъ поученіяхъ, теперь обратилъ все его вниманіе и трудъ на писаніе. Писалъ онъ въ это время болѣе аскетическіе уроки въ видѣ краткихъ изреченій, образецъ кото-